

Б.М. Фирсов

СТАЛИНСКИЕ ВЫДВИЖЕНЦЫ 1930-х гг. НА ПРОИЗВОДСТВЕ И НА КОМАНДНЫХ ПОСТАХ

Период первой пятилетки – время масштабной кампании по выдвижению коммунистов и рабочих для получения высшего технического образования. Ее обоснования – вредительство буржуазных спецов, нужда пролетарской диктатуры иметь собственную интеллигенцию и, наконец, индустриализация страны. Большевики должны овладеть техникой! Отсюда беспрецедентная задача: массовое обучение класса-гегемона инженерным профессиям. Идея выдвиженчества была поднята Сталиным и Молотовым в ходе партийной дискуссии в апреле–июле 1928 г.

Кампания началась с решения пленума ЦК ВКП(б) (июль 1928) призвать для обучения в высшей технической школе одну тысячу коммунистов из числа рабочих. Одновременно последовала команда втузам, согласно которой прием студентов на 1 курс должен был не менее чем на 65 % состоять из призванных на учебу пролетариев-коммунистов, включая коммунистов-тысячников. Еще одна директива партии обязывала увеличить прием на дневные рабфаки дополнительно 3000 рабочих и расширить сеть вечерних рабфаков¹. Тысячники принимались во втузы на льготных основаниях (без вступительных экзаменов, без соблюдения образовательного ценза, с гарантиями улучшенных жилищных условий и повышенных стипендий). Они были аристократами среди выдвиженцев в 1928–1931 гг. Общее число коммунистов и рабочих, выдвинутых для получения высшего технического образования, оценивается в 150 000 человек (110 000 рабочих-коммунистов и 40 000 беспартийных рабочих). Выдвиженцы резко изменили социальный состав студенчества страны². В 1932/1933 уч. г. одну треть всех студентов составляли выдвиженцы пролетарского происхождения.

¹ Fitzpatrick Sh. *Education and Social Mobility in the Soviet Union 1921–1934*. Cambridge, 1979. P. 184.

² *Ibid.* P. 187–188.

Влияние политики продвижения класса-гегемона на собственно образовательную политику Наркомпроса и других государственных учреждений было драматическим. Имело место преднамеренное снижение академического уровня обучения студентов-выдвиженцев и максимальное облегчение процесса получения знаний. Показателями этого являются: сокращение сроков обучения до 4 и даже до 3 лет, сужение специализации подготовки инженеров, увеличение доли производственной, т. н. практической, работы в период обучения во вузе. В образовательный процесс заранее закладывалась значимая потеря качества (против существовавших стандартов) и сознательно ограниченный диапазон преподносимых знаний. Аргументы профессуры в пользу того, что директивные новшества «сверху» ведут к угрожающему понижению уровня обучения, отметились их инициаторами (секретариат ЦК ВКП(б), ВСНХ, промышленные наркоматы).

Тем временем уже в конце 1929 г. соотношение часов на производственную практику и теоретическую подготовку достигло критического значения 1:1³. Акцент на практической работе вынуждал студентов-выдвиженцев (имевших, к тому же производственный опыт за плечами) половину учебного времени (!) проводить на производстве. Им нужно было читать книги и учебники, слушать лекции, но всезнающая партия гнала их к станку. На следующем витке в начале 1930 г. был вынесен новый партийный вердикт: преобразовать («втузировать») все вузы в технические институты с высокой степенью специализации обучения под административным присмотром ВСНХ и контролем промышленных наркоматов, которые будут использовать их выпускников.

Непродуманная мера вызвала настоящий коллапс всей системы профессионального высшего образования. Потеряли свою корпоративную идентичность университеты, поскольку их экономические, юридические и медицинские факультеты были распределены соответственно между Госпланом, Наркоматом юстиции и Наркоматом здравоохранения. За Наркомпросом оставили лишь контроль за педагогическими вузами. Дефолт высшей школы сопровождался ростом числа втузов в три раза при сравнении 1931 и 1929 г. (537 против 152)⁴.

Существуют две версии, объясняющие катастрофу. Официальная версия опиралась на обвинение Наркомпроса и наркома А.В. Луначарского в некомпетентном руководстве высшей школой страны.

³ Fitzpatrick Sh. Op. cit. P.189.

⁴ Ibid. P. 192.

Нарком и его союзники (будущие лидеры правой оппозиции, беспощадно разгромленной Сталиным, – Н. Рыков, Н. Бухарин, М. Томский), категорически возражали против передачи вузов под начало ВСНХ и наркоматов. Вторая версия окажется более вероятной. Разгром высшей школы был возмездием, политической карой лично вождя партии за подозрение Луначарского в «аффилиации» с лидерами правого уклона. Неудивительно, что в результате Шахтинского процесса едва ли не вся старая профессура попала под политическое подозрение бдительных властей. Пресса мало писала о том, как вузовские преподаватели воспринимают «трясение» высшей школы, но находила множество примеров их высокомерия, аристократизма и антисоветского поведения, призывая к обузданию носителей монархического и буржуазного мировоззрения.

Льготы выдвиженцам-пролетариям поставили в трудное положение абитуриентов из среды «бывших», которые поступали в институты на конкурсной основе. Ситуация особенно неблагоприятной была в столице, где размещались наиболее престижные вузы и куда было направлено ядро тысячников. Перед началом 1928/1929 уч. г. МВТУ могло предложить лишь 43 места для «без вины виноватых», а Плехановский экономический институт и Академия угольной промышленности – только по 14 мест каждый⁵. Общая атмосфера оставалась угрожающей для студентов с «неправильным классовым происхождением». Однако «особый режим», введенный для высшей школы в связи с кампанией по продвижению рабочих к высшему техническому образованию, все же постепенно ослабевал. Становилось понятным, что социальные льготы, предоставленные выдвиженцам директивным путем, носят временный характер и что право на образование в стране, строящей социализм, должно быть всеобщим и равным.

В 1935 г. узнал от Сталина, что хотя советское общество состоит из классов (рабочие, крестьяне плюс прослойка – интеллигенция), но классовый антагонизм в СССР отсутствует. Конституция 1936 г. закрепила равенство прав граждан перед законом. Сама по себе интеллигенция – это вчерашние рабочие и крестьяне, дети вчерашних рабочих и крестьян, но теперь это были *новые люди, выдвинутые на командные посты*. Такое заявление было сделано на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г. «Командные посты» на практике предназначались для членов партии и пролетариев с высшим образованием.

Разъясняя цели первого пятилетнего плана, Сталин подчеркивал важность не только массового обучения коммунистов и рабочих, но и

⁵ Ibid. P. 196.

подготовки ведущих кадров для будущего. Случайно или намеренно, но получилось так, что это будущее наступило вскоре после того, как выдвиженцы стали заканчивать инженерные вузы.

Здесь я позволю себе небольшое отступление. Напомню, что вплоть до начала 1930-х гг. дефицит грамотных, знающих дело партийных и хозяйственных руководителей на местах непрерывно ощущался, его преодоление стало центральной проблемой кадровой политики ВКП(б). Появление полновластных и могущественных секретарей партийных комитетов областей и крепких кланов «своиков», на которые они опирались, было одновременно ценой, которую Сталину приходилось платить за порядок, и демонстрацией единства в обкомах. Допустив, пишет американский историк А. Гетти, появление «маленьких Сталиных» на всей территории страны, генсек понял уже в конце 1920-х гг., что кланы рано или поздно могут вступить в конфликт с ним и его собственным клановым окружением. Правда, это близкое ему окружение он назвал в письме Л. Кагановичу (1931) «нашей руководящей группой, исторически сложившейся в борьбе со всеми видами оппортунизма»⁶.

Плановая индустриализация, подстегиваемая принуждением сокращать сроки выполнения заданий пятилетки, выявила низкую степень исполнения директив и послушания на местах⁷. Сталину принадлежит словечко «атаманщина» (самостийность местных кланов). Он же предложил способы борьбы с нею: «...будем ломать кости, потому что изгнать атаманину и насадить партийность нельзя без того, чтобы не поломать ребра»⁸. Как атаман собственного клана-банды, Сталин не мог терпеть другие кланы, не доверял им и потому в 1937 г. решил ломать им кости в буквальном смысле слова, а не иносказательно.

Большой террор 1937–1938 гг. вымел едва ли не все высшие слои руководителей партии и народного хозяйства не только на местах и в центре. Но выдвиженцы – типичные для 1930-х гг. коммунисты с пролетарской подоплекой и опытом работы на производстве, они же – новая волна выпускников высших инженерных школ, заводские инженеры-практики, сумевшие совместить труд на предприятиях с защитой дипломных проектов на рабфаках и заводах-вузах, – заняли их места. Проследим их профессиональную и человеческую судьбу в условиях общества победившего социализма.

⁶ Гетти А. Практика коммунизма: Большевистские бои и неумирающая традиция. М., 2016. С. 179.

⁷ Там же. С. 190.

⁸ Это сталинское кредо А. Гетти обнаружил в протоколах Оргбюро ЦК ВКП(б) за 1931 г. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 132. Л. 90–99).

Выдвиженцы, ставшие рядовыми инженерами после окончания вузов, влились в состав работников социалистических предприятий. Их профессиональный кругозор был изначально узким. Преподаватели обучающих институтов избегали касаться вопросов, имеющих отношение к политике или социальной справедливости, и ограничивались научно-техническими аспектами профессии. «Советские инженерные институты [теперь они были отраслевыми, ведомственными. – *Авт.*] взялись производить новый тип инженера в громадных количествах, и неопиты довольно быстро потеснили инженеров дореволюционной выучки ...вся подготовка которых нацеливала их лишь на увеличение объема производства в ущерб всем прочим факторам»⁹.

Я соглашусь с основным выводом Л. Грэхэма, что долгое время, начиная с конца 1920-х гг., студенты скоропалительно «реформированных» властью и волей Сталина инженерных вузов «получали худосочное и узкое образование», которое отличалось «интеллектуальной бедностью, политической тенденциозностью, социальной неосведомленностью и этической ущербностью»¹⁰. Не в этом ли причина того, что их роль в развитии технической культуры советского промышленного производства, изобретательстве, научной организации труда, гуманизации трудовых отношений была более чем скромной и в самой малой степени влияла на динамику индустриализации страны?

Выражаясь современным языком, заместить своим трудом и умом импорт тогдашней современной техники и передовых технических идей инженеры-выдвиженцы были неспособны. Стратегические индустриальные ресурсы СССР создавали Соединенные Штаты Америки, инженеры и предприниматели этой страны. Посол США в СССР А. Гарриман докладывал, пересказывая Госдепартаменту свой разговор со Сталиным в июне 1944 г.: «Сталин высоко оценил помощь Америки советской индустрии до войны и в период войны. Сталин сказал, что две трети всех крупных индустриальных предприятий в СССР были построены при помощи Америки, либо при американском техническом содействии». Вот только несколько фактов на сей счет из книги британско-американского исследователя Энтони Саттона «Национальное самоубийство. Военная помощь Советскому Союзу». С конца 1920-х гг. американцы строили и проектировали советские тракторные и авиационные заводы, нефтепереработку,

⁹ Грэхэм Л. Призрак казенного инженера: технология и падение Советского Союза. СПб., 2000. С. 109–110.

¹⁰ Там же. С. 117.